

Сюй Линван сидел на краю кровати. В его взгляде, направленном на Жунмяня, вспыхнула жажда, но он тут же опустил глаза. Пальцы с силой надавили на железку — та стала почти обжигающей, а аромат спиртного в воздухе — концентрированным. За окном всё еще кружили снежинки, укрывая крыши белым саваном. Дыхание Линвана превращалось в густой пар, оно было куда горячее, чем обычно.

Жунмянь выпустил немного своих феромонов. Запах спелого персика заполнил комнату. Линван жадно вдохнул его, и буря внутри него чуть утихла. Он поднялся. Только сейчас Жунмянь осознал, насколько Линван крупный и сильный. Альфа обнял его со спины, прижался губами к шее, попеременно то целуя, то прикусывая кожу. Его потемневший, тяжелый взгляд был прикован к железке омеги. — Мой... — прохрипел Линван.

Он обхватил его за талию и приподнял, прижимая к себе. Жунмянь вскрикнул от неожиданности, потеряв опору под ногами. Инстинктивно он подался назад, вцепившись пальцами в предплечья Линвана. Ноги повисли в воздухе. Жунмянь был без носков, а так как в доме было тепло, его босые ступни коснулись мягкого ворса ковра лишь на мгновение, прежде чем альфа повалил его на кровать. Аромат персика был мгновенно поглощен парами текилы. Жунмянь чувствовал, что «пьянеет».

Линван еще сохранял остатки рассудка. Он годами тренировал выдержку, и если бы Жунмянь не выпустил свои феромоны, он бы, возможно, терпел и дальше. Но стоит дать альфе в гоню хоть каплю сладости, как самоконтроль летит к чертям. Он прижал руки омеги к постели, нависая сверху. Его горячее дыхание смешивалось с дыханием Жунмяня. Глаза горели, губы пылали. Жунмянь, задыхаясь от поцелуев, простонал: — Погоди...

Почему Линван не стоит смирно? Разве по правилам не полагается просто один раз укусить? На уроках физиологии Жунмяню объясняли, что временная метка — это про укусы. Он знал, что альфы в этот период становятся агрессивными и одержимыми, но думал, что одного укуса достаточно, чтобы всё успокоилось. Их губы раскраснелись, между ними протянулась тонкая серебристая нить слюны. Жунмянь судорожно сглотнул.

Золотистые волосы рассыпались по подушке. Линван стянул с него резинку, стоя на коленях над ним. В глубине его черных глаз мерцало странное возбуждение. Одной рукой он погладил Жунмяня по щеке, а другой ловко принялся расстегивать пуговицы его пижамы.

— Отопление слишком сильное, я весь вспотел, — Линван криво усмехнулся.

— Ну так расстегивай свое! — у Жунмяня не было сил сопротивляться. Он чувствовал себя одновременно пьяным и пугающе трезвым.

— Ты прав, — Линван на секунду задумался, сорвал с себя пижамную куртку и прижался к нему кожа к коже. Обоих будто прошило мощным разрядом тока.

Линван потянул за край футболки Жунмяня, стягивая её. Кожа омеги была нежной, как белый нефрит, линии тела — безупречными, а талия — узкой и гибкой. Как кадет, Жунмянь, конечно, тренировался, и под кожей проглядывал рельеф мышц пресса. В голубых глазах Жунмяня смешались гнев и растерянность.

— Будешь «пить»? — вкрадчиво спросил Линван. Прежде чем Жунмянь успел ответить «нет», Линван обдал его волной феромонов и коснулся его железки. Его губы скользили по ключицам и лопаткам, пока он не прикусил кожу.

Жунмянь невольно вздрогнул, его попытки вырваться стали активнее. Но Линван словно

потерял интерес к самой железе — его манили другие места. Мозг подавал сигнал: «Если укусишь за шею сейчас, веселье кончится». Он намертво зафиксировал руки Жунмяня.

— Я схожу за ингибитором... — Жунмянь пытался оттолкнуть его, но его усилия были для Линвана не серьезнее возни котенка. Сильные руки альфы скрывали в себе взрывную мощь, мышцы перекатывались под кожей, пока его ладони исследовали спину омеги.

На белой коже выступили мелкие капельки пота, блестя в свете ламп. Линван отбросил одежду в сторону. Запах персика сводил его с ума: сочный, сладкий, манящий. Он терся носом о его шею, губы кружили над заветным местом.

— Ну кусай же! Давай! — почти выкрикнул Жунмянь, измученный ожиданием. Линван положил широкую ладонь ему на талию: — Ты так торопишься?

Жунмяню хотелось его ударить — кто тут еще торопится?! Линван перевернул его на бок, прижимаясь сзади.

— Твоих феромонов слишком много... я сейчас отключусь... — Жунмянь действительно плохо переносил «алкоголь», а сейчас вся комната превратилась в огромный чан с текилой. Его буквально мариновали в спирте. Линван уткнулся лицом в его золотистый затылок и жадно вдохнул запах, прежде чем снова прикусить кожу.

У Жунмяня поползли мурашки, шея отозвалась тянущей болью, а вдоль позвоночника пробежали пальцы альфы. Это было слишком опасно. В голове Жунмяня взвыла сирена тревоги. Когда рука Линвана начала скользить ниже талии, Жунмянь с трудом перехватил её: — Нет! Нельзя!

— Ладно, — с сожалением вздохнул Линван, но не отстранился, а обхватил его, как огромную ростовую куклу. — Ты так вкусно пахнешь... — Такой сладкий... — Ты обещал мне помочь...

Линван не отпускал его, продолжая вдыхать аромат: — Выпусти еще немного феромонов.

Жунмянь подчинился, неосознанно усиливая запах персика. Линван сжал его талию и перехватил ладонь. Пальцы Жунмяня были тонкими, с едва заметными мозолями. В период гона альфа нестабилен: агрессия сменяется тревогой, потребность в безопасности заставляет выпустить литры феромонов, а зависимость от своего омеги становится абсолютной.

Внезапно Жунмянь почувствовал, как его рука коснулась чего-то, от чего его мозг буквально взорвался. «Вот же наглец! Сюй Линван, как ты смеешь?!»

...

Спустя время Линван, тяжело дыша, навис над ним. Он крепко обнимал Жунмяня, терзая губами его затылок. В момент, когда сознание окончательно померкло, он, наконец, вонзил зубы в железу омеги, впрыскивая свои феромоны глубоко под кожу.

В голове у Жунмяня все перепуталось. Он не понимал, куда смотрит, все было словно в тумане или во сне. Острая боль в шее сменилась еще более густым ароматом алкоголя. Он пытался сопротивляться, но тело предательски обмякло. Шея была усыпана розовыми отметинами, кожа вокруг железы припухла, и, казалось, он весь — от макушки до кончиков пальцев — окрасился в нежно-розовый цвет. В глазах потемнело. — Хватит...

Но Линван не останавливался. Он словно нашел единственный выход для своего напряжения,

впиваясь зубами в железу омеги, вкладывая в этот укус весь свой жар и скопившееся желание. Жунмянь выгнул шею — изящный, как лебедь, и беззащитный, как кот, которого схватили за загривок. Альфа прижал его к себе так крепко, что их прерывистое дыхание слилось в один ритм. В голове у Линвана пульсировало только одно слово: «Вместе». Вместе — как? Вместе — что? Он не знал.

Одеяло в гостевой спальне превратилось в бесформенный ком, в комнате витал едва уловимый характерный запах. Линван хотел бы никогда не выпускать Жунмяня из объятий, но рассудок начал возвращаться, и первой отчетливой мыслью стало желание смыть с себя этот морок. Жунмянь выглядел совершенно ошеломленным: губы припухли, туманно-голубые глаза смотрели в пустоту, пижама расхристана, а на груди и плечах виднелись розовые следы от пальцев и губ. Увидев дело своих рук, Линван торопливо укрыл его одеялом и виновато чмокнул в щеку: — Давай я отнесу тебя в душ.

Жунмянь прикрыл ладонью ноющую шею и прохрипел севшим голосом: — Иди первый. Я сам... попозже.

Позволить Линвану нести себя в душ в таком состоянии? Он еще не сошел с ума. Действительно, даже самый выдержанный альфа в период гона превращается в стихию, которую невозможно обуздать.

Как только Жунмянь попытался встать, ноги подогнулись, и его тут же подхватили сильные руки. Линван перенес его в главную спальню и включил горячую воду.

— Дальше я сам, — отрезал Жунмянь. — Иди к себе.

Убедившись, что омега твердо стоит на ногах и скрылся за дверью ванной, Линван тоже пошел смыть пот и жар, а заодно перестелил постель в гостевой комнате. В воздухе всё еще стоял коктейль из персика и текилы с легкой примесью чего-то терпкого. Раньше он запирался один и справлялся сам, но теперь, когда рядом был омега, он позволил себе лишнего. Слишком много лишнего — они едва не перешли черту, за которой начинаются необратимые последствия. Сделав глоток воды, Линван вышел проверить Жунмяня. Тот уже вышел из душа и, совершенно измотанный, уснул в главной спальне. Линван облегченно выдохнул.

Он чувствовал себя абсолютно удовлетворенным, даже «сытым» — за всю жизнь он не получал такого количества чужих феромонов. Во время течки Жунмяня всё было иначе: тогда омега нуждался в нем, и Линван только отдавал, ничего не беря взамен. Сейчас, когда буря внутри улеглась, он решил заняться делом и приготовить обед.

В главной спальне было темно и тихо — плотные шторы не пропускали ни лучика света. Идеально для сна. Когда Жунмянь открыл глаза, он почувствовал себя гораздо бодрее, но тут же вздрогнул, заметив силуэт у кровати.

— Кто здесь?!

— Это я, — Линван включил лампу и протянул ему стакан теплой воды.

— Напугал до смерти... Чего ты тут сидишь? — ворчливо спросил Жунмянь, осушив стакан.

— Хотел быть поближе к тебе, — просто ответил Линван.

Пока он готовил еду, его движения, обычно спокойные и размеренные, были дергаными и порывистыми. Ему хотелось поскорее закончить. Зачем? Чтобы снова приклеиться к своему омеге. Слово «омега» само по себе не значило для него много, но приставка «мой» меняла всё. Ему хотелось просто сидеть рядом и охранять сон Жунмяня. Он даже порывался лечь рядом, но остатки здравого смысла удержали его от того, чтобы забираться в чужую постель без приглашения.

Жунмянь обулся и бросил на него быстрый взгляд: — Впредь не сиди так над душой. Можешь спать на этой кровати, если хочешь, но соблюдай дистанцию.

Он пытался вспомнить всё, что читал об этикете общения с альфами в период гона, чтобы сохранить мир в доме.

— Хорошо, — отозвался Линван. Сама мысль о том, что им разрешено спать в одной постели, уже приводила его в восторг.

За обедом Жунмянь заметил странную вещь: что бы он ни делал, взгляд Линвана был приклеен к нему. Альфа садился так близко, будто хотел, чтобы Жунмянь буквально залез к нему на колени. Раньше они могли спокойно заниматься своими делами в гостиной, но теперь Жунмянь чувствовал себя не в своей тарелке. К тому же, помимо шеи, у него ныла грудь — Линван явно не рассчитал силу своих «нежностей».

Жунмянь смотрел в панорамное окно на заснеженный город. Линван бережно набросил ему на плечи плед: — Простудишься.

— Отопление на полную катушку, — отмахнулся Жунмянь, а потом из любопытства спросил: — Тебе вообще бывает холодно?

Его знания об альфах были чисто теоретическими, и теперь он изучал живой экземпляр с дотошностью исследователя.

— Сейчас — нет. Наоборот, жарко. Раньше, когда я колол ингибиторы, меня бросало то в жар, то в холод.

— А восприятие света или запахов меняется? — не унимался Жунмянь. Линван задумался: — Всё становится острее. И запахи, и звуки. Наверное, в этот период мозг концентрируется только на них.

Он чувствовал себя подопытным кроликом. Если бы Жунмянь сейчас надел белый халат, образ был бы полным.

Тяга к познанию была у Жунмяня в крови — он унаследовал любопытство Сэбэля. Раньше ему было не у кого спросить о таких интимных вещах, но теперь у него был свой альфа. К тому же, это помогало отвлечься от смущения.

— У тебя есть... инстинкт «гнездования»? — спросил Жунмянь, слегка покраснев. Атмосфера мгновенно стала двусмысленной. Он кожей чувствовал, как горячий взгляд Линвана скользит по его лицу и задерживается на метках на шее. — Да.

Линван решил быть предельно честным: — Раньше я просто лежал в кровати под ингибиторами. Но сегодня я положил твою футболку рядом с подушкой. Мне нужно чувствовать твой запах вокруг себя, чтобы ощущать безопасность и... удовлетворение.

Жунмянь не нашелся что сказать. Он прекрасно понимал, что Линван не упомянул о другой стороне этого инстинкта — стремлении затащить партнера в это «гнездо».

— Понятно, — буркнул он, вспомнив, как его прижали к кровати и лишили возможности двигаться. От стыда он залился краской.

Жунмянь продолжал наблюдать за «хищником». Он заметил, что Линван теперь постоянно стремится забиться в угол дивана, хотя раньше так не делал. Он походил на леопарда, который прячет когти, но всё равно остается опасным зверем. Леопардом с запахом дорогой текилы.

<http://bllate.org/book/16059/1442569>